

ПРАВОСЛАВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В РОССИИ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ (XVII в.)

Н. Ю. НАЛЁТОВА

Статья посвящена анализу процесса секуляризации культуры и его влияния на формат православного образования в России. В статье рассматривается противоборство двух тенденций в русском просвещении: духовно-религиозного начала, присущего восточной патристике и русской святости, а также латино-протестантской схоластики, характерной для западноевропейской цивилизации.

XVII век вошел в историю как «бунташный век»: смуты и бунты прошли чередой с начала до самого его конца. В рамках цивилизационного подхода позволительно утверждать, что корни волнений находились не столько в политической и экономической сфере, сколько в культурной и духовной. В XVII в. культура и быт русского народа испытали качественную трансформацию, выразившуюся в трех взаимосвязанных тенденциях: проникновении западного влияния, «секуляризации», мировоззренческом расколе.

Изучая духовную и культурную жизнь России допетровского периода, важно отметить то, что Восточная и Западная Европа были связаны между собой бесчисленными нитями, и разделявшие ее вероисповедные и языковые барьеры были не так высоки. Западное влияние шло в Московскую Русь преимущественно через периферийные по отношению к центру районы. Шло оно двумя путями: через Украину проникала католическая культура из Польши; через Новгород и Псков — протестантская культура Северной и Центральной Европы.

Инославная экспансия отразилась на сфере образовательной деятельности, что, в свою очередь, недвусмысленно указывало Русской Православной Церкви на необходимость активизации своей религиозной и культурно-просветительной миссии.

В условиях усиливавшегося религиозного и культурного прозелитизма Церковь искала пути овладения развивавшимся в то время апологетическим школьным богословием, которое уже в XVI в. было взято на вооружение политически оторванной от Москвы Юго-Западной Русью. Существование братских школ упрочило богословские позиции православных в полемике с католиками, привело к расширению книгоиздательской и переводческой деятельности, имевшей большое влияние на всю Россию. Однако после Брестской унии 1596 г. Рим одержал крупную победу над Православием и русским народом в Юго-Западной

Руси. Победу латинской стороны обеспечили объединенные силы: власть, иезуитский орден, аристократическое шляхетское давление.

Однако, несмотря на введенную Унию, в исконно православных землях — Галицкой, Холмской, Волынской, Киевско-Переяславльской, Смоленской — дело просвещения не прекращало своего развития. Основным хранителем православных традиций просвещения со всем богатством их богословского и художественного содержания являлись монастыри. Закрепленная в иноческих уставах система духовного воспитания являлась проповедью православного быта и подлинным выражением христианских ценностей.

Вероятно, правильно будет предположить, что в городах Юго-Западной Руси монастыри — эти традиционные школы — становятся единственными очагами Православия, выполнявшими востребованную самим народом просветительскую (сбережение веры) и национальную (сбережение устоев) функции.

В целом, за первые 20 лет Унии было создано более десяти монастырей. Среди них знаменитая Почаевская Лавра, Свято-Духовский монастырь в Вильне, собиравший ученых иноков, Братский Богоявленский монастырь в Киеве, приютивший школу¹.

Формальная легализация Православной Церкви в Юго-Западной Руси (1632), которую Церковь рассматривала как шаг, способствующий ликвидации духа религиозной «войны», открывает новый период в русском просвещении Малороссии. С этого момента отечественное просвещение испытывает более интенсивное влияние Запада, итогом которого становится «секуляризация».

Развитие новой тенденции историки связывают с личностью митрополита Киевского Петра Могилы (1596–1647), образ которого, по мнению многих исследователей, весьма неоднозначен. А. В. Карташев пишет: «Сын молдавского господаря, он и в звании митрополита Киевского был скорее господарем, нежели пастырем. Это был убежденный западник, западник по вкусам и привычкам»². Весьма созвучна с мнением А. В. Карташева оценка Петра Могилы Г. Флоровского, который определял его как человека «латинумудрствующего», нанесшего непоправимый ущерб русскому церковному образованию³. Современный исследователь истории духовного образования иеромонах Петр (Еремеев) не согласен с оценками А. В. Карташева и Г. Флоровского, считая, что Петр Могила, в сущности, не делал революции в Южной России в XVI–XVII вв. Для того чтобы сохранить Православие, в то время надо было взять в руки оружие и перенять у врагов фабричное дело⁴.

Проанализировав высказывания исследователей, трудно составить представление, был ли Петр Могила ревнителем Православия или искусным соглашателем, но то, что деятельность Киевского митрополита, направленная изначально на избежание препятствий к существованию православной школы в Юго-Запад-

¹ *Карташев А. В.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. С. 275.

² Там же. С. 281.

³ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 44.

⁴ *Петр (Еремеев), иеромон.* Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века. Дис. ... канд. богосл. наук. Сергиев Посад, 1999. С. 91.

ной Руси, привела в итоге к трансформации отечественного образования, к созданию инокультурной системы схоластической выучки, является фактом.

Открытая Петром Могилой в 1631 г. на базе уже существующей и успешно функционирующей Киевской братской школы при Богоявленском монастыре Киевская коллегия (позже Киевская духовная академия) являлась образчиком иезуитской школы⁵.

Естественно, что подобное развитие Киевской духовной академии уже вскоре привело к появлению в Православной Церкви целого поколения по-западному образованных иерархов, которые не только методы, но и проблематику инославного рационального богословия воспринимали в качестве неотъемлемых черт русской богословско-педагогической науки. Тем более что в сознании большинства представителей этой иерархии, пополнявшейся выходцами из Киевской митрополии, церковно-культурный синкретизм в сфере образования представлялся духовно оправданным и исторически неизбежным.

В отличие от католицизма, протестантство Северной и Центральной Европы не имело своего единого центра, чтобы организовать планомерное и координированное наступление на Православие. И тем не менее деятельность протестантов оказалась даже более эффективной, т. к. в эпоху поднимающегося рационализма (как на Западе, так и на Востоке) примитивные доводы протестантов против соблюдения традиций Священного Предания — постов, почитания икон и святых — находили отклик среди части русского населения. Обладая своей отлаженной теологической системой, протестантство, проникая в Россию, легко поглощало русскую рационалистическую тенденцию, сеяло свои идеи в русском обществе.

Однако правильно будет отметить, что ни формальная легализация Православной Церкви в латинской Польше, успокаивающая православных иерархов и школьных богословов конституционно обеспеченной свободой, ни религиозная пропаганда протестантов не могли влиять на процесс природной «некомплементарности» западного латино-европейского и российского греко-евразийского мира. Социально, культурно, экономически обессиленный и приниженный русский народ становится на путь борьбы за независимость и путь федерации с родственной Москвой. В результате в большинстве своем он влился в общерусское имперское тело. Воссоединение Украины с Россией (1654), возвращение Киевской митрополии в юрисдикцию Московского патриархата открыло возможность русской школе развиваться дальше уже в Московском государстве.

Насколько можно судить по работам историков (Е. Е. Голубинский, А. П. Доброклонский, П. В. Знаменский, А. В. Карташев, Д. В. Пospelовский, С. Г. Рункевич, Н. В. Тальберг, прот. Г. Флоровский, прот. В. Цыпин, игумен Иоанн (Экономцев)), впервые идея создания в Москве высшей школы возникла в период правления Бориса Годунова (1598–1605). Однако в тот период ввиду многих причин эта идея не была реализована.

Но уже в середине XVII в. проблема высшего образования становится главной проблемой духовной и культурной жизни России, ее историческим императивом. Распространение книгопечатания, реформы патриарха Никона по

⁵ *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 287.

исправлению книг и последовавший за ними раскол, усиление ересей и необходимость защиты Православия от еретиков явились внутренними причинами к неотложному учреждению в Московском государстве высшей школы. Однако сразу возникает вопрос: какая школа нужна русскому обществу и государству?

Заметим, что к этому времени на Руси государственной школы как официальной структуры с единообразной обязательной программой не существовало. Образование осуществлялось в основном монастырями и церквями⁶. Свои идеалы Русь черпала из православной церковной книжности и церковной святости.

Поскольку в России образование было тесно связано с религией и существовали сложившиеся традиции просвещения, возможность создания университета западного типа с католическими и протестантскими профессорами — «латинистами» априорно исключалась. Более того, создание у нас подобных учебных заведений вряд ли явилось бы крупным шагом вперед. Университеты, отсутствие которых в России расценивалось как свидетельство «варварского невежества», в самой Западной Европе в этот период приходят в упадок. Это было обусловлено усугубляющимся разрывом между мертвой схоластикой средневекового университетского образования и усилением интереса Западной Европы к естественным наукам, который стимулировался развитие мореплавания, промышленности и т. д. Впрочем, в России создание школы, готовящей специалистов естественно-научного профиля, вплоть до конца XVII в. и не было актуальным.

Таким образом, в России в силу объективных и субъективных причин ни новая западноевропейская высшая школа с ее естественно-научным направлением, ни старая, схоластическая, в рассматриваемую эпоху появиться не могли. Единоверная же и исторически близкая Византия была покорена турками, ее культура была в плачевном состоянии. Поэтому к тому времени, когда в России созрела потребность в высшем образовании, опыт перенимать было не у кого.

Школу нужно было создавать, и делать это с помощью православных учителей, в качестве которых могли бы выступить греки или выходцы из Юго-Западной России. И действительно, попытки в этом направлении предпринимались неоднократно, но каждый раз, на протяжении полувека, все они заканчивались неудачами.

В 1664 г. в Москву приезжает Симеон Полоцкий, воспитанник Киево-Могилянской коллегии, поборник латинской системы образования. В 1680 г. он представляет царю Федору Алексеевичу проект «Об учреждении в Москве академии, по типу западных латинских училищ». По его замыслу, это должна была быть всеобъемлющая школа «всех свободных учений»⁷. Из языков, кроме славянского, предлагалось изучать не только латинский, но и польский, в учителя взять ученых иностранцев и строго следить за цензурой книг⁸.

Между тем несколько ранее произошло событие, имевшее чрезвычайно важные последствия для образования в России. Восточные патриархи Паисий и Макарий, а также Московский патриарх Иоасаф своими грамотами (1668) призывали «на создание училищ и в них устроения учения по закону православно-

⁶ Оситов А. И. Православное понимание смысла жизни. Киев, 2001. С. 187.

⁷ Иоанн (Экономцев), игум. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 75.

⁸ Флоровский Г., прот. Указ. соч. С. 6.

кафолической Церкви, во славу Божию, различными диалекты — греческим, словенским и латинским»⁹. Завет патриархов осуществился лишь спустя десять лет, при патриархе Иоакиме (1861), который ходатайствовал перед царем Федором Алексеевичем об открытии в Москве «греческого училища»¹⁰.

Основание в 1683 г. «греческого училища», названного Типографской школой, явилось выдающимся событием в истории русского образования. В школе учили славянский и греческий языки, преподавали «ученые и православные». Основной целью греческой школы, по словам Иерусалимского патриарха, была защита и упрочение Православия в России: «...и сие есть божественное дело, еже учить христианом греческий язык, во еже разумети книги православныя веры, якоже писании суть... и наипаче, дабы отдалены были от латинских, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожества»¹¹.

Типографское училище явилось важным шагом к созданию в Москве высшей школы, учреждение которой состоялось по благословению патриарха Иоакима в 1685 г., начало ее деятельности связывают с именами братьев Иоаникия и Софрония Лихудов — греков, присланных с рекомендацией восточных патриархов. Школа была невелика. Изначально она располагалась на территории Богоявленского монастыря. Но уже через год для школы были выстроены новые палаты в Китай-городе подле Заиконоспасского монастыря. С переходом в новое здание число учеников быстро увеличивается. Судя по записям Патриаршего приказа, к Рождеству 1687 г. в академии числилось 76 учащихся. Причем в учебное заведение поступали не только лица духовного сана: «...ученицы же инии суть священники, иеродиаконы и монаси, инии же князи, спальники, стольники и всякого чина сего царствующего града Москвы»¹².

Стойкие борцы за святоотеческое богословие братья Лихуды восемь лет (1686—1694) успешно преподавали грамматику, пиитику, риторику, логику. Следующего курса — богословия они прочитать не успели. Сразу скажем, что ко времени правления царевны Софьи латинизаторы в лице Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и др. прочно захватили школьное дело в Москве. Лихудов оклеветали, и они были отстранены от учительства¹³.

У профессора А. П. Доброклонского можно найти интересные заметки о трудах Лихудов в Московской академии. Так, он пишет: «Преподавание на греческом и латинском шло так успешно, что за три года ученики научились говорить на обоих языках и даже принимали участие в переводах книг на славянский язык. Можно было ожидать, что если так пойдет дело, то заиконоспасская школа скоро станет на уровень... европейских коллегий и академий»¹⁴.

Эта школа соответствовала духу времени. Она была призвана готовить прежде всего богословов, способных читать и переводить богословскую и богослу-

⁹ *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. В 3 т. М., 1999. Т. 2. С. 211.

¹⁰ Духовное образование Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 1. С. 71.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² *Тальберг Н.* История Русской Церкви. В 2 т. Джорданвилль, 1959. Т. 1. С. 566.

¹³ *Поспеловский Д. В.* Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1995. С. 116.

¹⁴ *Иоанн (Экономцев), игум.* Указ. соч. С. 358.

жебную литературу, выступать в качестве квалифицированных справщиков. Но поскольку она была первой высшей школой в России, ее функции на практике оказались шире.

Академия развивала широту интересов, давала широкую общеобразовательную подготовку, во всяком случае гуманитарную, необходимую для перехода на другие поприща. Выпускники Славяно-греко-латинской академии впоследствии составили золотой фонд русского архиерейства. Многие ушли, как раньше говорили, в «светское звание» и посвятили себя различным наукам, стали крупными государственными деятелями. Из Московской академии вышли М. В. Ломоносов, архитектор В. И. Баженов, дипломат и поэт князь А. Д. Кантемир.

Только с основанием Московского университета в 1755 г. образование в Славяно-греко-латинской академии специализируется: она превращается в школу для юношества духовного сословия, воспитывающую для церковного служения. При этом она не сливается с университетом, не становится одним из его факультетов, как практиковалось в Западной Европе. Академия сохраняет свое самостоятельное существование, что, безусловно, было данью уважения к традициям этой высшей церковной школы, признанием ее заслуг, которое вполне могло соединяться с надеждой, что и будущее академии небесплодное как для церковной, так и для светской науки.

Ключевые слова: православное просвещение, секуляризация просвещения, инициативы Православной Церкви в образовании.

ORTHODOX EDUCATION IN RUSSIA IN THE PERIOD OF TRANSFORMATION (17TH CENTURY)

N. Y. NALYOTOVA

The article analyses the process of secularization and its influence on the church education in Russia. The paper highlights the opposition between two tendencies in the Russian education: spiritual-religious principle characteristic of eastern patristic heritage and Russian sanctity — and Latin-Protestant scholasticism typical of western civilization.

Keywords: Orthodox education, secularization of education, initiatives of the Russian Orthodox Church in education.